

16+

Ирина Кулиш

Время меховых змей

Ирина Григорьевна Кулиш

Время меховых змей.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29571496

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-12655-8

Аннотация

Настоящий художник может рисовать всеми красками, но выбирает самые любимые. Ирина Кулиш предпочитает светлые и яркие цвета. Настоящий музыкант может играть на чем угодно, но ищет идеальный инструмент. Например, свежий ветер. Настоящий писатель может создать любого героя, но лучше всего ему удаются собственные отражения. Может быть, поэтому все рассказы Ирины Кулиш о людях, способных легко и бесстрашно изменить собственную жизнь. Но это единственное, что их объединяет – все истории совершенно разные, веселые и грустные, смешные и страшные, счастливые и драматичные, реалистичные и фантастические. Жаль только, что такие короткие.

Содержание

Двойственная природа света	4
Кролик в синем камзоле	20
Вопросы психологии	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Двойственная природа света

Двор был необычайно тихий для центра Москвы. Возможно, где-нибудь в Питере такой глухой двор – обычное дело, но стремительный поток жизни приучил москвичей к другому. В этом городе трудно хотя бы на мгновение остановить поток мыслей и ход событий. Все вокруг так и подталкивает тебя: эй, давай, давай, вперед! Скорее, двери закрываются! Кто не спрятался, я не виноват. А спрятаться-то и негде. Даже редкие общественные парки и площадки, будто в силу какого-то заговора, остаются пустой формальностью. А ценят тут проходные дворы и переулки, через которые можно срезать дорогу. Иной раз мелькнет у прохожего мысль, а вот бы посидеть там, на скамейке во дворе. Но нет, уже загорелся зеленый, надо спешить.

В этом дворе не было ни скамеек, ни сквозного прохода. Был только газон с деревом и парой кустов, стены, окна и квадратик неба над всем этим. В углу двора стояла старая черная «Волга», а возле входа в особняк бронзовая группа: нескладный мужчина с дурацкой улыбочкой в пенсне и толстяк с примусом. Возле «Волги» прохаживался большой серый кот.

Во двор через арку зашли трое: две девушки и мужчина. У девушек уже заранее был восторженный вид.

– Прямо тут он жил?

– Или тут нехорошая квартира была?

– Ой, смотрите, кот! Они что, специально его тут держат?

– Котик, иди сфотографируйся! Давайте тут перед входом! Кис-кис.

Кот с готовностью подошел к ступеням, потерся о девичьи ноги и живописно расположился перед входом.

– А он что дрессированный?

– Ха, специальный кот!

На мужчину кот не произвел особого впечатления, и это было взаимно. А вот девушкам пушистый зверь охотно позировал и на фоне машины, и на ступеньках, а потом еще дал себя погладить.

– Девушки, в музей пойдем? – спросил их спутник, втайне надеясь их отвлечь и от этой мысли, и от кота.

Обе отказались, хотя и были большими поклонниками писателя, который тут жил. Так много еще хотелось увидеть и обсудить за время прогулки. Поэтому было никак невозможно застрять в музее, пусть и любимого писателя.

– Тогда пойдемте, – и он увлек их назад, к шумному никогда не замолкающему Садовому Кольцу.

Кот вернулся к автомобилю и, казалось, задремал.

Тут в просвете арки показалась женщина средних лет в очках и коричневом пальто, а следом целая толпа разноцветных школьников. Они тут же заполнили весь двор смехом и веселой возней.

– Ух ты! Смотри! Смотри! – дети уставились на бронзовые

скульптуры.

– Это же они. Как настоящие!

Невозмутимая экскурсовод заняла стратегически выгодное положение на ступеньках. Оттуда она могла следить, чтобы никто не ускользнул обратно в арку, а саму ее было хорошо видно и слышно.

– Писатель родился пятнадцатого мая одна тысяча восемьсот девяносто первого года в семье профессора Киевской духовной академии и учительницы женской гимназии. Он оставил после себя богатое литературное наследие: романы, рассказы, пьесы, заметки, очерки и фельетоны...

Кот оставался в стороне от происходящего, пока его не высмотрела девочка с двумя косичками.

– Кис-кис-кис, – позвала она, протягивая ему сэндвич с колбасой и трогательным листком салата.

Кот вежливо подошел, понюхал и тут же отвернулся, изображая всем своим видом, что он и рад бы поесть, но очень занят. Есть срочное дело – облизать хвост. А кто давно дружит с кошками, знает, что кошачий этикет гласит: когда сомневаешься, как поступить – умывайся. Например, когда человек нравится, а еда нет.

Дети скрылись за дверями музея, шумно взбираясь по крутой лестнице. Во дворе все ненадолго стихло. Но вот в арочном просвете уже показались следующие посетители. Высокая пара зашла во двор. Молодой мужчина в офисном костюме, белой рубашке и галстуке был из тех, кто привле-

кает женское внимание непринужденностью, с которой носит пиджак, галстук и ослепительный воротничок. Женщина же была постарше. Ее волосы уже посветлели от седины, но спина оставалась прямой, а походка такой же легкой, как у брата. Она была одета в темный костюм необычного кроя и выглядела, пожалуй, еще элегантнее.

– Ну, какая-токая мистика?! Ты посмотри вокруг: машины, люди, медицина, небо это серое. Где тут мистике место? Я, например, точно знаю, что завтра лечу в командировку в Екатеринбург, через неделю в отпуск на Лазурный берег. Все заранее известно и предсказуемо. Возможно скучновато, но зато удобно планировать, – энергично втолковывал ей брат.

– Смотри, мы как раз подходим к дому с нехорошей квартирой. Помнишь, что там случилось со всеми скептиками? – говорила улыбаясь его спутница.

– Лена, ты просто очень долго в этом музее работаешь. Без отпусков. Поехала бы со мной!

Женщина покачала головой.

– Может ты и в приметы веришь? Загадаю тогда в твоём стиле, что-нибудь мистическое, – мужчина облокотился на бронзовую скульптуру толстяка, – итак, желаю познакомиться с амазонкой, а к морю полететь на крылатой лошади, например, а не на самолете. И чтоб никаких командировок!

Елена сделала движение его остановить, но насмешливый тон заставил ее передумать. Вместо этого она на прощание чмокнула младшего брата и взялась за ручку двери.

– Очень ты у меня умный! – сказала она ему таким тоном, каким взрослые говорят с подростками.

– Пока, сестренка! – махнул он ей в ответ и зашагал обратно к арке, слегка пнув большого серого кота, который вертелся на пути.

Мужчину звали Степаном, он работал менеджером в телекоммуникационной компании и не верил ни во что, кроме физики и социологических исследований. Сегодня у него складывался отличный день. Он получил повышение на работе и вовремя поздравил сестру с днем рождения, что было редкостью. Елену он очень любил, но память на сентиментальные даты не была его сильной стороной. Они договорились встретиться днем и пообедать в ресторане на крыше с прекрасным видом и хорошей кухней. Степан знал, что сама Елена вряд ли пойдет в такое место, а на ухажеров-филологов особо не надеялся.

Насвистывая, он почти пересек арку, соединяющую уютный двор с шумным Садовым, как неожиданно услышал:

– Здравия желаю!

Долговязый незнакомец отлепился от стены ему навстречу и приподнял кепку в приветственном жесте, как будто это был цилиндр. От неожиданности Степан остановился. Он пребывал в самом добродушном расположении духа после встречи с сестрой.

– Часы приобрести не желаете? – продолжил незнакомец, поблескивая очками в полумраке ворот, и полез в карман

своего клетчатого пиджака.

Степан нахмурился и только хотел отстранить с дороги странного типа, как тот выхватил из внутреннего кармана старинные часы с цепочкой. Лицо Степана разгладилось. Это не было похоже на улов карманника. Наверное, бедствующий историк, великовозрастный романтик-реконструктор или еще кто-то умом тронулся. У Степана было давнее предубеждение в отношении любого занятия гуманитарными науками. Возможно, потому что на работе именно такие клиенты задавали самые непредсказуемые вопросы и ставили необычные задачи, время от времени загоняя его в тупик. Они будто существовали в другой реальности и мыслили каким-то иным, непонятным образом. Так что Степану было спокойнее считать, что это его реальность настоящая и правильная, а другие точки зрения выживают в ней по недоразумению. Но все это не повод покупать что-то у чудаков в подворотнях.

Незнакомец, воспользовавшись заминкой, подвесил блестящий круг часов за цепочку и продолжил:

– Вы же понимаете, стиль – это наше все. Когда человек выглядит безупречно, то и отношение к нему другое. У нас, интеллигентных людей, стиль – это и средство влияния и защита. Михаил Афанасьевич, как никто, это понимал. Всегда одевался, как фронт. Помню, бывало, идет по улице, а городской ему так честь и отдает, так и отдает. И в новое время пригодилось. Умер в своей постели, как-никак.

Степан слушал собеседника, поглядывая то на трещину очков, то на раскачивающиеся часы.

– Вот и вы, подумайте, как будет доволен ваш столоначальник, когда вы пожалуете на новую должность в надлежщем виде.

– Действительно, – отчего-то подумал Степан, – совсем другое дело, с такими-то часами.

И тут его сознание заволокло туманом. Последнее, что он видел – это круглая кошачья морда, выглянувшая из-за локтя так называемого антиквара.

– Любишь ты беседы разводить. Примусом бы засветили, да и все, – мрачно мяукнул кот.

– Мой друг, ты, как работник физического труда, не понимаешь всего удовольствия от искусства беседы, – ответил долговязый, заталкивая бесчувственного Степана в неприемную дверь между афишами.

Сознание возвращалось к Степану постепенно. Сначала он начал различать шум, ритмично нарастающий и затем стихающий вдаль. Потом стал замечать детали: шум был то как огромная звуковая волна, то просто как шорох гальки.

– Как море, – подумал он, – может я на море?

И догадался открыть глаза. Степан стоял на обочине шоссе, по колена в сорной траве. Мимо него ритмично проносились машины, и именно шуршание их шин по грубому асфальту создавало иллюзию волн, перекатывающих гальку. По бокам в обе стороны до горизонта тянулась лесополоса.

Впервые в жизни Степан не подумал ничего. Даже нецензурного слова или чего-то банального, наподобие «Где я?». В голове была полная тишина. Он просто подошел ближе к краю дороги и изумленно уставился на проезжающие машины. Вид у него был такой дикий и неуместный, что первая же фура остановилась, пренебрегая обычной для безлюдного участка осторожностью.

– Куда едем? – спросил его веселый голос.

– В Москву, – хрипло ответил Степан и прочистив горло все-таки добавил, – Где я?

– Трасса «Дон». Богучары скоро, – так же весело ответила ему сверху небритая голова.

Степан мрачно взглянул на нее, ему было не до смеха.

– А до Москвы далеко?

– Ха! По трассе будет примерно восемьсот пятьдесят километров. Лучше в Ростов поезжай, он ближе. Мужик, откуда ты вообще тут взялся? – совсем развеселился водитель, высунувшись из кабины и разглядывая чудака, одетого в костюм и белую рубашку со съехавшим на сторону галстуком.

– Черти принесли, – в тон ему ответил Степан. Навыки коммуникации и способность мыслить начали наконец к нему возвращаться, – Мужик, отвези меня куда-нибудь, а?

– Садись уже. До Москвы не обещаю, но до населенки подкину.

Степан забрался в кабину и только теперь ощутил, как он продрог в предрассветном тумане. Кожаные туфли и брючи-

ны совсем намokли от высокой росы.

– Ну что там у вас в Москве? – завел обычную пластинку водитель.

– Музеи, – ответил Степан, пытаясь унять дрожь.

Фура притормозила возле лагеря дальнoбойщиков, состоящего из ряда кафе и дешевых гостиниц.

– Здесь тебя точно кто-нибудь подберет. Походи поспрашивай, кто дальше едет, – напутствовал его водитель, – и свою историю больше никому не рассказывай. Сочиняй прощe.

– Спасибо, – от души поблагодарил Степан.

– Привет столице! – крикнул в окно водитель уже вырваливая на полосу.

На заднем забрызганном грязью бампере красовалась аккyратная табличка *PEGAS Inc.*, видимо, сохранившаяся из прошлой жизни.

– Пегас, крылатая лошадь, – к чему-то подумал Степан и зашагал к бревенчатым домикам, построенным в нарочито русском стиле.

Через полчаса он уж сидел в сонном придорожном кафе перед горячим чаем и пирожками, которые ему бесплатно приготовила хозяйка заведения. Ни денег, ни телефона у него с собой не оказалось, только старые круглые часы, которые смутно о чем-то напоминали. Но вот о чем именно, вспомнить никак не удавалось.

Хозяйка кафе, полная добродушная женщина, их отказа-

лась братъ.

– Побойся бога, родительское из дома выносить, – с укором сказала она, – ты лучше не пей больше.

Доказывать, что он пьет редко и в основном хорошие красные вина, Степан больше не пытался, и только еще раз поблагодарил хозяйку.

Тут в кафе зашла необычайно оживленная для раннего утра группа людей. Впрочем, необычность этим не ограничивалась. Трое из них были в просторных китайских рубашках и штанах, а остальная разновозрастная компания просто в спортивной одежде. Они расселись по лавкам вокруг большого стола и заказали, что было в меню: чай и пирожки. Две девушки в одинаковых футболках с иероглифами сели рядом, положив на лавку длинные чехлы. Они выглядели и похожими, и полной противоположностью друг другу. Одна, невысокая со светлыми глазами и волосами, была по-мужски сдержана. Вторая, темноглазая брюнетка, была подвижная, грациозная, радостная и красивая до боли в глазах. Степан разглядывал их из своего угла, потягивая чай.

– Лесбиянки, – только успел он подумать, как хозяйка кафе указала прямо на него.

– Может возьмете его с собой? От пьянства вылечите, по-вашему, по-китайски. А то где пил, с кем пил, ничего не помнит. И собутыльники хороши, бросили товарища. Мой бы Гена никогда такого не сделал, царствие ему небесное, – продолжала женщина.

Вся компания дружно повернулась к Степану, а тому захотелось провалиться в подпол от такой рекомендации. Но ехать было надо, поэтому он выдал:

– Здрасьте.

И правда, напился он что ли. Но не с сестрой же в обеденный перерыв?! А это было последнее, что он помнил.

– А вы действительно не знаете, как сюда попали из Москвы? – спросила брюнетка, глядя пытливыми черными глазами на взъерошенного мужчину в неуместном здесь костюме и помятой белой рубашке.

– Напился, наверное, – сказал он смирившись.

Ему очень захотелось, чтобы он ошибся насчет девушек.

– Но вы не похожи на пьющего, – не согласилась она, – может с вами что-то случилось?

– Может, – не стал спорить Степан, – а вы могли бы меня подвезти в город?

– Мы сейчас, наоборот, едем подальше от города – к морю. У нас ретрит, практика медитации и китайской дыхательной гимнастики. Хотите, едемте с нами. Через неделю мы обратно в Москву возвращаемся, и вас отвезем. Возьмем его, а? – спросила девушка, поворачиваясь к троице в китайской одежде, которые, похоже, тут были главные.

– Не думаю, что медитация – это мое, – честно ответил Степан, – я больше опираюсь на точные науки, где все объяснимо.

– Например, на физику? – подал голос старший из тройки.

– Да, например.

– А как же вы объясните двойственную природу света? Как что-то может быть и частицей и волной одновременно?

– Ну, это уже затертый пример. Вы еще вспомните Пастера, который молился у себя в лаборатории.

– Медитация, как ее ни назови, всегда дает отдых разуму. И помогает увидеть главное за привычным.

Степан хмыкнул.

– Искусственный интеллект до сих пор не создан именно по той причине, что инженеры не могут подняться над привычными техническими задачами, а гуманитарии не могут переложить философские проблемы на простой человеческий язык, – продолжил китаевед.

– Я и без медитаций хорошо соображаю, – пробормотал Степан.

– Но ведь оказались же вы здесь, – нокаутировал его собеседник.

Степан промолчал, потом что-то вспомнил.

– А не мог я вас видеть на конференции интернет-технологий в прошлом году? – спросил он.

– Да, я делал там доклад по новым методам лингвистической обработки.

– Ну, вот. Получается, мы с вами по одну сторону.

– Конечно. Только я стараюсь смотреть шире, молюсь, так сказать, в лаборатории. А вы зачем-то держитесь за шоры на своих глазах, не давая им приоткрыться. Так что, едете с

нами?

– А разве у меня есть выбор?

– Считайте, что это тоже своего рода конференция.

Молчаливая светловолосая девушка получила большой пакет с пирожками из рук хозяйки.

– А почему тут не завтракаете? – удивился Степан.

– Сначала нужно разбудить энергию ци, – обернувшись, ответила ему темноглазая красотка, ее длинная темная коса задорно перескочила через плечо и обратно.

Степан засмотрелся.

На улице стало заметно теплее и светлее. Лучи солнца уже скользили по резным деревянным конькам и петухам на крышах придорожного городка. Вся компания вышла в поле, разбрелась там и повернулась к восходу. Девушки открыли чехлы – в них оказались настоящие длинные мечи. У блондинки рукоять и чехол были покрыты металлической гравировкой с причудливыми сюжетами. У красавицы с темной косой они были простые деревянные. Степан с беспокойством оглянулся на остальных. Люди приняли живописные позы и, казалось, погрузились в себя, поводя руками по воздуху, то ли приветствуя солнце, то ли что-то еще. А девушки замерли, занеся меч над головой, потом стали делать красивые движения, то плавные, то резко размахивая саблями. И если блондинка выглядела как шаманка, совершенно погруженной в себя, то темноволосая девушка с мечом будто превратилась в воинственную армянскую принцессу. Он

слышал, как кто-то назвал ее по имени – Анаит.

Солнце показалось над лесом, и Степан засмотрелся. Он что-то такое ощущал, чего не мог передать словами. Живя в городском ритме, он уже и забыл, как выразить восторг и смиренное восхищение красотой мира, которая когда-то охватывала Пастера в его лабораториях. И как в эти минуты суетные мысли отступали прочь, словно в храме всего мира, главном и общем для всех.

Тут Степан нащупал в кармане что-то круглое и достал старинные часы, неизвестно откуда взявшиеся. Латунь блеснула на солнце, и внезапно он вспомнил все. И обед с сестрой, и разговор в подворотне. Он машинально похлопал по карманам, хотя проверял их уже раз десять. И вдруг нащупал бумажник и телефон, который тут же завибрировал, и неизвестный кусок плотной бумаги. Степан отключил телефон – сейчас не до него – и достал бумагу. Это оказался билет на самолет из Ростова в Москву на сегодняшнюю дату. Он помедлил, повертел его в руках, потом скатал в трубочку и забросил в кусты.

– Окей, сестренка, будем считать это конференция, – Степан развернулся и стал догонять своих новых знакомых, которые уже потянулись к автобусу.

В Москве тоже наступило утро. Светофоры на Садовом переключились в дневной режим, отдельные машины на дороге постепенно образовали обычный плотный поток.

Первая экскурсионная группа вошла во двор музея.

– Это вечный вопрос, ответ на который никак не могут найти ни люди по отдельности, ни человечество в целом. То нас качнет в мистицизм настолько, что даже самые значительные решения в светских делах принимают с картами Таро, астрологией и гаданием. А разговоры с умершими родственниками становятся более популярны, чем телефонная связь. Потом вдруг – раз, и бога нет. И действительно, для целого поколения, и даже не одного, бога не существовало. Разве что кто-то вспомнит о нем перед лицом болезни или крайней опасности и пойдет в ветхую церковь со свечкой. Человечество хочет, но до конца не может поверить в существование бога. Но и отвернуться от идеи всевышнего тоже не в состоянии. Поэтому даже если в результате чудовищного эксперимента вырвать у человека веру и память о ней, зияющая пустота затянется и заполнится бытовым шаманизмом и суеверием. Конечно, и тогда, и сейчас, и потом будут существовать люди, способные жить без руки поводыря, воображаемого или реального. Но их процент невелик и примерно одинаков во все времена, – увлеченный экскурсовод обращался к аудитории, онемевшей от его воодушевления.

Девушки перестали смотреть в телефоны, а мужчины на девушек. Кот тоже подошел поближе.

– Эта мысль и была сформулирована и гениально раскрыта в романе, который принес автору всемирную, но увы, посмертную славу. Однако осознание своей правоты и миссии у писателя были так сильны, что, как мы можем надеяться,

вознаградили его еще при жизни. Жизни гения признанного, но не признаваемого. Убеждения вели его навстречу судьбе не менее твердо, чем иных религиозная вера.

Экскурсовод замолчал. Повисла тишина сродни театральной, которая усиливает впечатление от каждого сказанного слова. Всем вдруг показалось, что даже в начале дня в этом дворе сумерки до конца не рассеялись, а притаились по углам. В конце концов у кого-то тренькнул телефон, и навязание рассеялось.

– А теперь зайдем в сам музей и дом писателя.

И гид-теолог, расстриженный монах, стал подниматься по лестнице, увлекая за собой экскурсантов. Сам-то он в этом споре сделал ставкой всю свою жизнь, сначала посвятив ее служению, а потом забрав назад против всех правил. Сейчас он хотел бы посвятить ее только одному человеку – Елене Павловне, прекрасной женщине и своему другу, которая работала в этом музее. Но храбрости сделать эту ставку еще раз как будто больше не осталось.

А экскурсанты, все как один, старались дотронуться до бронзового Коровьева и Бегемота, прижимающего к себе вечный примус. И загадывали желания.

Кролик в синем камзоле

Утром Таня еще только просыпалась, когда Антон пришел с работы. Вопреки опасениям Таниной мамы Антон не оказался законченным лоботрясом. Его поиски самореализации увенчались местом креативного директора одного из московских ночных клубов. Правда, теперь он приходил домой как раз к тому времени, когда Таня завтракала и собиралась на работу. Они вместе ели тосты, болтали, после чего Антон шел отсыпаться, а Таня в издательство.

А сейчас она слушала, не открывая глаз, как Антон играет с малышом. Смотри, это не простой кролик, – Антон достал с полки винтажную игрушку, подаренную Тане писателем-французом. Его роман был первый книгой, над которой работала Таня. И с тех пор этот сувенир стал для нее чем-то вроде талисмана. Это был кролик в старомодном камзоле с поэтическими тенями вокруг глаз, искусно сделанный французским же мастером.

– Это кролик-диджей. Там-там-бум, сейчас мы ему сделаем диджейский пульт.

Малыш в ответ радостно булькнул и повторил все слова, как мог.

– Только он у нас какой-то скучный. Настоящие диджеи так не выглядят. Мы его сейчас сделаем настоящим кляббером.

Таня перестала улыбаться и открыла глаза: Антон уже достал из кармана флуоресцентный маркер и разрисовывал мордочку и синий фрак кролика. Тут зазвонил телефон, Антон положил игрушку и вышел из комнаты. Малыш добрался до кролика, взял его за ушки, потряс и забросил на середину комнаты. Выбравшись из-под одеяла, Таня подняла свою игрушку: покрытая полосками мордочка кролика напоминала теперь боевую раскраску футбольного болельщика. Она вздохнула, посадила его обратно на полку и направилась в ванную. Новый день наступал, и теплый душ помогал принять этот факт.

Когда она вышла, Антон уже хозяйничал на кухне. Он сварил кофе, поджарил тосты и намазывал их толстым слоем ореховой пасты, сидя с ногами на кухонном диване. Малыш был тут же, сидя на полу, он увлеченно открывал для себя устройство гейзерной кофеварки.

– Как вечер?

– В два часа уже пустой танцпол, представляешь? Слабенький народ пошел.

– Так ведь четверг только, не выходные.

– Нас же как-то хватало на все.

Таня улыбнулась. Антон был младше ее на четыре года, а рассуждал так, будто это ему, а не ей месяц назад исполнилось тридцать четыре.

– Как там ваш будущий бестселлер? – поинтересовался Антон, уплетая третий сэндвич и наблюдая за стремитель-

ными перемещениями подруги по комнате.

– Застряли, – помрачнела Таня, – не знаю, что буду говорить сегодня.

– Справитесь, у вас же так здорово получилось с предыдущей книжкой, – ободрил ее Антон и зевнул, – Поиграю с малышом до прихода Галины Петровны – и спать!

Тут же раздался звонок в дверь.

– А мы вас только через два часа ждали! – добродушно удивился Антон, открывая дверь пожилой энергичной женщине.

– Кто рано встает, у того все получается, – сообщила ему дама, раскладывая вокруг сумку, куртку, пакеты и заполняя тем самым всю прихожую.

– До вечера! – Антон перегнулся через плечо няни и поцеловал Таню, которая одновременно пыталась обуться и застегнуть плащ.

От Антона приятно пахло вкусными гренками и табачным дымом, принесенным из клуба. Жаль было так быстро расставаться с ним.

Дел на сегодня было предостаточно, но главное разобраться с версткой. Таня работала в маленьком издательстве, выпускающем «книжки для высоколобых» по выражению самого же директора. И атмосфера в их небольшом коллективе была соответствующая, за исключением некоторых моментов. Сидеть по восемь часов в офисе ни от кого не требовалось: работали на результат. В этом была и прелесть, и слож-

ность. Припарковавшись возле ларька с кофе на вынос, она достала телефон и ежедневник.

– Люда, добрый день! Как дела? Как поживаешь?

– Привет, Танюшечка! Та знаешь, как-то не очень. Наверное, погода влияет – никак проснуться не могу. Уже и кофе выпила, и чай. Это наследственное. У моей мамы тоже...

– Люда, прости, а как там верстка?

– Работаю, но ты же понимаешь, объем большой. А я как подумаю обо всем этом, руки опускаются. Вчера вот с самого утра думала, сяду, буду работать, а тут бывшая свекровь звонит, говорит, Ваню хочет взять на выходные. У меня прямо кровь в голову бросилась. Это после всего-то, что она мне наговорила! Из рук все так и повалилось.

– А ты не общайся с ней.

– Легко сказать, не общайся! Войди в мое положение, у ребенка должен быть какой-никакой отец. И бабушки. А у меня выходные, хоть иногда. Теперь же снова личную жизнь нужно устраивать. Я как вспомню, как он мог так со мною поступить?! Говорила тебе, практически выставил на улицу...

– Ну, так а с версткой как же?

– Таня, ты ж понимаешь, как тут работать. Я просто в депрессии, не знаю, как оправится от этого. Только отойду, а как поговорю с ними, то все по-новой. Мне к психологу надо.

– Вы же развелись, можешь с ними просто не разговаривать.

– Нужно, чтобы Ванечка общался с бабушкой, а я уж по-

терплю, чего там. Тем более, финансово мы только на нее можем рассчитывать, сынок-то ее вон какой сволочью оказался.

В телефон пробивался еще один настойчивый звонок.

– Так у тебя же теперь есть работа, Люда.

– Да-да, ты права, Танюшечка, спасибо тебе. Ты мне так помогла с ней! Завтра же начну.

– Завтра?! Но ведь у тебя уже неделю текст лежит.

– Все так навалилось, ты же видишь. Развод. Кому это понять? Никому не пожелаю почувствовать на себе, как несправедлива бывает жизнь...

– Так я тоже в разводе вообще-то...

– Ой, Сережа приехал. Все, я побежала. Чмок!

– Какой Сережа? – озадаченно спросила Таня опустевшую трубку, так как бывшего мужа Люды звали Игорем, а сына Ваней.

Таня ответила на входящий

– Привет, крошка, ты уже встала?

– Здравствуйте, Владимир Павлович! Как там наша книжка?

– Макет обложки готов, а вот с версткой задержка получается. Так сложилось, что...

– Ничего не хочу знать! Как хочешь, девочка моя, а к концу недели макет книжки должен быть готов. Я встречаюсь с автором в субботу. И это тебе не студент Литинститута, который счастлив одним фактом, что его печатают. Если что-

то пойдет не так, за нами стоит очередь из желающих его издать. Поняла меня, малышка?

– Мм...

– Вот и славно. Значит, в пятницу утром макет должен быть у меня, чтобы я успел просмотреть, что вы там наваяли. Договорились?

– ... да, Владимир Павлович.

А что ей было говорить? И что теперь делать? Остаток дня ушел на обсуждение вариантов макета обложки с дизайнером.

Приехав домой пораньше, Таня рассчитывала еще поработать. Ее встретил счастливый смех крохи, от которого жизнь тут же снова стала прекрасной. И еще нарядный, но грустный и теперь полосатый кролик, смотрел на нее черными пластиковыми глазами с книжной полки. Антона дома не было. Няня смотрела сериал на кухне, но услышав шум, заглянула в комнату.

– Здравствуйте, я еще хочу поработать, а вы, пожалуйста, сварите курицу.

– Сварить? Запечь-то вкуснее будет, – вытирая руки полотенцем, сообщила няня.

– Малышу еще рано.

– Вечно мамы не поспевают за детьми. Ему уже в армию идти, а они конфеты под елку кладут, – продолжая разговор с каким-то невидимым собеседником няня ушла на кухню.

– И конфет ему не давайте, он пока сладкого не ест! –

вдогонку крикнула Таня.

– Как? Совсем не ест? – снова выглянула удивленная Галина Петровна, – Как же без сладкого?

– Ну как, финики ест, – смущенно стала объяснять Таня, – мед, изюм. Сахар не ест.

– Очень уж ты его бережешь, – фыркнула Галина Петровна, удаляясь на кухню и гремя кастрюлями.

– Надеюсь, вы сегодня гуляли? – Таня подхватила малыша на руки, поцеловала в макушку и посадила на детский коврик.

– Какое там! Такой холод. Мы лучше дома побудем, почитаем. Да, мой сладенький? – няня тоже подошла к крохе.

– Читали мои книжки? – спросила Таня, глядя на нетронутую стопку детских книг, которые она специально выбирала малышу.

– Я считаю, что лучшее чтение детям – это народные сказки. Вы все на них выросли. Временем проверены. Я вот книжечку из дома взяла. И еще, вижу, надо принести. А это все новомодное неизвестно еще кем написано. И с какой целью.

Галина Петровна многозначительно посмотрела на Таню. На что та закатила глаза и направилась к компьютеру. Примерно через два часа пришел Антон из тренажерного зала.

– Вы можете идти Галина Петровна.

– Я уже буду дома.

– Да я не спешу, Антоша. Ты посмотри, как мы уже стоим? А как переступаем ножками? – умилилась няня, сидя возле

детской кровати.

Таня бросила недобрый взгляд, сидя с ногами на компьютерном стуле, но ничего не сказала. Она мучительно составляла письмо об объеме работы и сроках, стараясь быть убедительной. Антон немного потоптался рядом с кроватью и, не найдя себе дела, отправился играть на ноутбуке.

Казалось, Галина Петровна, сегодня совсем не собиралась уходить. Она играла с малышом в ладушки, потом в гули-гули, пока тому не надоело, и он не потянулся к высокой полке с книгами и сувенирами.

– Что тебе дать, солнышко? – няня подхватила на ноги.

– Котя? – пропел малыш.

– Котика? Котика хочешь? Так это не котик, – няня сняла с полки винтажную игрушку, – это зайчик. Но можем сделать и котика. Сейчас мы ему только ушки обрежем...

Таня вскочила с места, выхватила кролика и выбежала из комнаты. Она закрыла за собой дверь в ванную и замерла, не моргая глядя на себя в зеркало. Оттуда глазами маленькой обиженной девочки смотрела взрослая женщина, прижимая к себе плюшевую игрушку. Она, наконец, чувствовала себя во временной безопасности. Конечно, не так надежно, как если бы укрыться пледом с головой. Но на нем сидит Галина Петровна и, кажется, никто в этом доме не обладает силой сдвинуть ее с места.

– Я сама кролик, – пробормотала Таня.

Кто-то дернул ручку двери. Она не открыла и не ответила,

продолжая крепко сжимать кролика и неподвижно смотреть на свое отражение. Все последние годы она думала о том, как выглядеть молодо и модно, чтобы не быть комичной на фоне Антона, вчерашнего студента. А сейчас осознала, что ей до дрожи не хватает взрослой спокойной уверенности – лучшего, что дает возраст.

В прихожей послышался шум.

– Гормоны, – послышался голос Галины Петровны, – возраст, поздний ребенок. Это все они, но есть специальные добавки – должны помочь.

Когда все стихло, Татьяна еще немного подождала и беззвучно вышла из ванны. Тут же в проходе возник Антон. Ему уже пора было идти, но он медлил.

– Почему мы до сих пор не женаты? – неожиданно спросила она.

– Как? Ты же сама говорила, рано, мы еще не готовы, – растерялся Антон.

– У нас ребенок.

– Да.

– Ты и не предлагал.

– Да.

Из детской комнаты раздался жалобный плач.

– Ладно, тебе пора. Пока.

– До завтра, – Антон почти насильно чмокнул ее в щеку.

Татьяна уложила малыша, приготовила чай и вернулась к

компьютеру. Взглянула на незаконченные тексты – все удалила. Взяла в руки телефон, номер не отвечал. Она дождалась автоответчика.

– Люда, добрый вечер! Первый вариант верстки нужен к завтрашнему дню, как мы договаривалась две недели назад. Завтра, пожалуйста, или пришли мне верстку, или верни предоплату.

Вернулась к компьютеру и напечатала письмо заново. Перечитала перед отправкой – осталась довольна.

“Привет, мой мальчик!

Макет книги к пятнице будет готов, но над версткой будет работать другой человек, вероятно.

Выпускающий редактор издательства,
Малышка”

Потом набрала номер няни:

– Галина Петровна, добрый вечер! Я вас убедительно прошу приходить завтра и в дальнейшем не раньше половины одиннадцатого, а также читать книги, которые я приготовила. И никаких конфет... Я все ценю, но это обязательные условия. Вам нужно выпить корвалол? Да, конечно, поговорим завтра. В пол одиннадцатого!

На этом Татьяна остановилась и, испытывая невероятную легкость, выключила настольную лампу и отправилась спать, напоследок взглянув на полку. В отраженном свете уличного фонаря пластмассовые глазки кролика на книжной полке задорно поблескивали, да и вообще, грустным он почему-то

больше не выглядел. В доме воцарилась тишина.

Утром Татьяна проснулась рано. Малыш еще спал, поэтому она не спеша приготовила завтрак, сварила кофе и устроилась на диване с чашкой в одной руке и шоколадным тостом в другой, находя возможность еще нажимать еще что-то на планшете. Проверка почты показала, что с сегодняшнего дня у нее нет подруги, верстальщицы и аванса.

Татьяна взяла в руки зазвонивший телефон. Возможно, работы у нее тоже уже нет – звонил шеф.

– Привет, Татьяна Викторовна! – на другом конце раздался веселый голос, – Ну ты и насмешила меня вчера. Хорошо, жена не видела, а то долго объяснять пришлось бы.

Татьяна хмыкнула.

– Ты б прямо сказала, что не устраивает.

– Я и сама раньше не знала, – сказала Татьяна, глядя на себя в зеркало.

– Хорошо. Так что там с версткой, разберешься?

– Да. Ну, до связи значит, Татьяна Викторовна.

– До свидания, Владимир Павлович!

Татьяна покормила малыша, оделась, собралась, а няни все не было. Да и Антон задерживался. Она взглянула на часы: половина двенадцатого. Похоже, что няни с сегодняшнего дня у нее тоже нет. А также мужа. Точнее, друга. А значит, кое-кто поедет на работу вместе с мамой. Татьяна надела джинсы, мягкий свитер, кеды, нацепила поверх рюкзак

для малыша и собрала волосы, когда раздался звонок.

Татьяна посмотрела в глазок – оттуда на нее тоже смотрел большой черный глаз опущенный мехом. Плюшевым мехом! Она растерянно заморгала и посмотрела еще раз. За дверью тоже произошло движение, и кое-что начало проясняться. Татьяна рассмеялась и стала открывать дверь.

– Прости, что испортил твоего зайца. И выходи за меня замуж.

Там стоял Антон с букетом роз и большим плюшевым зайцем. Татьяна смеясь потянула его внутрь.

Вопросы психологии

– Ну что давай, сегодня ты, – Дима толкнул в бок своего приятеля.

Заговорщицки переглядываясь и посмеиваясь, друзья пересекали затоптанный сквер на привокзальной площади.

– Сейчас. Объект выберу... – Игорь оглядывался вокруг, щурясь от зимнего солнца и искрящегося снега.

Обоих немного потряхивало от возбуждения, и они не замечали утреннего крепкого мороза хватяющего всех без разбору за носы и уши и редкого январского солнца, от которого делалось светло и весело на душе, но ничуть не теплее.

– Ага, есть! Все, я пошел.

Цель была выбрана. Игорь не глядя под ноги перемахнул через низкую ограду и подошел к группе, собравшейся возле бетонного забора промзоны. Сами люди были тоже какие-то сероватые, в тон стене, неприметные и бесформенные. Приглядевшись внимательно, Игорь понял, что в основном это бездомные. Они стояли в очереди за бесплатными обедами, устроенными какой-то благотворительной организацией.

Игорь тоже взял из стопки одноразовую миску, встал в очередь и подмигнул приятелю. Его бело-розовая физиономия и высокая фигура в элегантном черном пальто очень выделялись на фоне собравшихся. Даже движения его были слишком порывистые в группе, где царило спокойствие и

равнодушные, но отнюдь не уныние. На высокого щеголеватого одетого Игоря, затесавшегося в их компанию, люди взирали равнодушно, не проявляя ни малейшего удивления. Все они, давно знакомые с распорядком, пришли, по мере возможности, трезвые и чистые за воскресным горячим супом.

Разливающая суп женщина в толстом шерстяном платке была красная от мороза и пара. Движениями, доведенными до автоматизма она наливала очередную тарелку и протягивала большой кусок хлеба обернутый салфеткой. И даже для «приятного аппетита» у нее находилось мгновение, а вот для улыбки – нет. То ли из-за толстой зимней одежды, то ли из-за комплекции, было в ее облике что-то монументальное. Но когда она увидела тарелку, протянутую чистыми худыми руками без следов отеков, обморожений и даже не обветренными на зимнем ветру, то с удивлением подняла глаза.

– Пахнет неплохо. Кажется, борщ? – довольный собой спросил Игорь.

Женщина молча опустила половник обратно в кастрюлю. – Это ведь очень благородное дело – помогать. Поддерживать бедных, кормить голодных – вот ваше предназначение. Так вы, наверное, считаете? И кто посмеет возразить? Такой простой способ возвыситься над толпой и быть всегда правой. Женщина не пошевелилась, только брови едва заметно поползли вверх.

Мое дело прекрасно, моя жизнь полна высокого смысла, думаете вы, – продолжал Игорь, все больше вдохновля-

ьясь собственным красноречием и изумленной аудиторией, – между тем, воскресным борщом вы должны кормить своего мужика. Или есть пирожное в кафе с подружками и строить планы, как этого мужика заполучить. А почему это не так? Потому что гордыня! Гордыня и социопатия. А не смирение и доброта, как вы себе рассказываете. И пока вы тут борщ разливаете, в настоящей жизни вам ставят прогулы!

Игорь перевел дух и, как умел, солидно закончил:

– Можете мне верить. Я профессионал, и обычно за такие консультации мне платят большие деньги, а вам я ее даю просто так. Так что советую подумать над моими словами...

Сзади стал нарастать гул, показывающий что время, подаренное эффектом неожиданности, на исходе. Женщина в платке, наконец, пришла в себя и, выхватив из розовой дымящейся кастрюли деревянную ложку, постаралась достать незнакомца треснув по голове. Но Игорю было не впервой проделывать такие штуки, так что он ловко увернулся и отделался лишь красным мокрым пятном на воротнике.

– Бежим! – позвал он на бегу приятеля, и они исчезли в подворотне.

Пробежав насквозь несколько дворов, они, хохоча, повалились на лавку.

– Ну ты даешь! Рисковал свариться в борще.

– Ты недооцениваешь эффект неожиданности, – авторитетно заявил Игорь, снимая с воротника полоски вареной капусты.

– А как думаешь, поймет она, что это для ее же пользы? – спросил его друг.

– Не уверен, что она была готова к такому. Но зерно сомнения посеяно, а значит будут всходы...

– Как говорит наш препод психоанализа, – закончил фразу Дима, с которым они учились на одном факультете.

Он задумался и помолчал.

– А как думаешь, одобрил бы Германович наше занятие?

– Конечно! – уверенно ответил Игорь, – На самом деле, это не мадам с борщом, а мы делаем бескорыстные добрые дела и по-настоящему помогаем людям.

– Может и зачет автоматом поставил бы, – размечтался Дима.

– А мы ему расскажем, как мы врачуем души. Но потом, после зачета, – не без гордости ответил будущее светило психоанализа.

– Сегодня особенно успешно, раз обошлось без травм-пункта и отделения полиции, – подытожил его коллега.

Он встал со скамейки и достал из кармана телефон. На обороте чехла улыбался довольный Гомер Симпсон.

– В кино пойдем?

– Давай! – Игорь, как смог, очистил воротник и тоже встал.

– Нет, а ты видел, как она на меня смотрела?! Она же просто в шоке была! – не сдержавшись, хихикнул Игорь, совсем как подросток.

– Ага! Вообще обалдела! – развеселился и Дима, – Ничего, я тебе тоже покажу на следующей неделе, как работает мастер психоанализа.

Подшучивая один над другим и толкаясь, приятели исчезли в подворотне. Утреннее солнце незаметно скрылось за мягкими, но непроницаемыми, как войлок, облаками. На улице потеплело, и пошел снег.

В воскресенье Дима и Игорь встретились там же, на при вокзальной площади.

– Ну что, куда отправимся, доктор? Где вас сегодня ждет пациент? – предвкушал развлечение на этот раз Игорь.

– Ммм, дайте-ка подумать, коллега, – Дима оглядывался по сторонам.

Случайно взгляд героя прошлых выходных упал на серый бетонный забор. Там стояла такая же очередь, и та же женщина с непроницаемым лицом наливала в тарелки что-то горячее и дымящееся.

– Да, туда нам лучше сегодня не соваться...

– Интересно, как на нее это подействовало? – задумчиво добавил Игорь, ни к кому конкретно не обращаясь.

– А я тебе расскажу как, – бесцветная мешковатая фигура отделилась от стены.

Мужчина с обветренным красным лицом одетый в посеревшую от времени и пыли кожаную куртку направился к студентам. Неожиданно он схватил Игоря за воротник, трях-

нул и посмотрел в глаза трезвым твердым взглядом, от которого парням стало не по себе.

– Мозгоправ хренов, ты тут порисовался пять минут, а она до вечера рыдала.

Игорь открыл рот, но не нашелся что ответить.

– Да мы студенты, мы только учимся на психоаналитиков, – неуклюже попытался оправдаться Дима.

– Так вы сначала выучитесь, а потом в душу к людям лезьте, – огрызнулся бродяга, не выпуская Игоря, который и не пытался обороняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.